

Н. ПОПОВ

Юность поэта

Осенью 1828 года Мишель держал экзамены и поступил, по желанию бабушки Е. А. Арсеньевой, пансионером в четвертый класс Благородного пансиона при Московском университете.

Пансион помещался тогда на Тверской улице и занимал все пространство между Старым и Новым Газетными переулками, где теперь высится здание Центрального телеграфа. Назывался он университетским, потому что в двух старших его классах, пятом и шестом, преподавали большей частью университетские профессора. Обучалось в пансионе около трехсот воспитанников. Они носили специальную форму, сходную с формой студентов университета; разница заключалась только в числе золоченых петлиц на воротнике мундира. Ношение формы было обязательным для пансионеров и необязательным для студентов, которые, как правило, ходили в партикулярной одежде.

Учебный курс в пансионе был общеобразовательный, но значительно превышал уровень гимназического. По свидетельству Д. А. Милюткина (видного государственного деятеля, боевого офицера и военного историка), учившегося в пансионе вместе с М. Ю. Лермонтовым, в круг преподаваемых здесь наук включены были, помимо общепринятых предметов, «некоторые части высшей математики, естественная история, римское право, русские государственные и гражданские законы, римские древности, эстетика... Из древних языков преподавался один латинский; но по настоянию министра Уварова введен был и греческий. Наконец, в учебный план пансиона входил даже курс «военных наук!».

Такой энциклопедический характер курса, конечно, не выдерживает строгой критики... но в те времена Московский Университетский пансион вполне удовлетворял требованиям общества и стоял наравне с Царскосельским лицеем...

Пансион выпустил из своих стен в разное время таких выдающихся деятелей русской культуры и литературы, как Д. И. Фонвизин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, В. Ф. Одоевский и другие.

В центре внимания пансионской молодежи были занятия русской словесностью. Возглавлял их, кроме общепризнанного поэта, профессора А. Ф. Мерзлякова, известный поэт, переводчик Виргилия и Тассо — Семен Егорович Раич (Амфитеатров), «сладкий и нежный», как его характеризует Милютин. В 1829 — 1830 годах Раич издавал журнал «Галатея», в котором участвовали воспитанники пансиона. Раз в неделю на квартире Раича собирался пансионский литературный кружок, в числе посетителей которого был и Лермонтов. На этих собраниях, проходивших живо и интересно, разбирались поэтические произведения известных русских писателей:

Ломоносова, Державина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина и других, а также творческие опыты воспитанников пансиона.

Увлечение литературой среди пансионеров было поистине велико. Тот же Милютин пишет: «Мы зачитывались переводами исторических романов Вальтер-Скотта, новыми романами Загоскина, бредили романтической школой того времени, знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов. Например, я знал твердо целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева («Войнаровский»).

Упоминания Милютиним имени Рылеева здесь крайне примечательно. Значит, воспитанники пансиона помнили о выдающемся поэте-декабристе. И, весьма вероятно, не один из них мог заявить впоследствии словами поэта Н. П. Огарева, бывшего годом старше Лермонтова:

Рылеев был не первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое название в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.

Есть все основания предполагать, что пансионерам были известны и запрещенные произведения Рылеева, Пушкина и других поэтов декабристского движения, распространявшиеся в списках. То же, очевидно, следует сказать и о стихах Полежаева. В таком случае с этими произведениями не мог не познакомиться Лермонтов, занимавший первое место в литературном кружке.

Предположения эти особенно станут убедительными, если учесть, что в правительственных кругах взгляд на университетский пансион был весьма недоброжелательный, — как на расадник «неприличного образа мыслей», т. е. вольнодумства.

Лермонтов учился в пансионе отлично. Его пылкий, жаждущий знания ум нашел здесь богатую пищу. Начитанность Лермонтова в русской литературе была исключительной. Из иностранных писателей больше других его интересовали Шиллер и Байрон. Осведомленность в литературе облегчила поэту собственные творческие начинания.

Первые поэтические опыты Лермонтова были связаны с его пребыванием в университетском пансионе.

Работал Лермонтов над своими произведениями много и упорно, на первых порах вовсе не собираясь печататься. За время ученья в пансионе поэт создал свыше шести десятков стихотворений и несколько поэм: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Преступник», «Корсар» — первое произведение Лермонтова, в котором выражалось сочувствие борьбе за свободу, национально-освободительной борьбе; два очерка поэмы «Демон». Писал Лермонтов чрезвычайно легко, независимо от любых внешних условий.

Эта легкость, с какою Лермонтов сочинял стихи, заставляла поэта особенно критически к ним относиться и на многие из них смотреть как на черновики, над которыми предстоит тщательно работать. Непременная суровость собственной оценки заставляла Лермонтова забрасывать в свое время даже такие совершеннейшие произведения, как «Парус», «Ангел», «Ничий».

Но в ученических изданиях Лермонтов, повидимому, охотно участвовал. В пансионе выходило несколько рукописных журналов: «Улей», редактировавшийся Д. А. Милютиним, «Маяк» и другие. В первом из названных журналов поэт поместил несколько своих стихотворений.

Что представляли собою первые поэтические выступления Лермонтова? Как и следовало ожидать, они весьма подражательны. Поэт еще не нашел себя, но он хочет самостоятельно решать вопросы жизни и поэзии. Так, в поэме «Кавказский пленник», написанной под непосредственным влиянием одноименной байронической поэмы Пушкина и в подражание ей, Лермонтов расширяет границы действия, существенно меняет характеры действующих лиц. В пушкинском «Пленнике» русский говорит черкешенке:

Но поздно: умер я для счастья,
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладострастья,
Для нежных чувств окаменел...
Пленник, как впоследствии и Онегин, рад любить, но только «радо чувства в нем остыли...» Лермонтов более психологизирует свою поэму, введя в нее как один из драматических мотивов — любовь пленника к «другой» женщине.

□ □ □

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ в студенческие годы.

...— Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..

Таким образом, уже в ранних произведениях намечается стремление Лермонтова к углубленной художественной разработке психологии человеческой личности. Это стремление особенно ярко проявится в позднейших зрелых созданиях великого поэта — таких, например, как «Демон», «Мцыри», «Герой нашего времени».

В пансионе Лермонтов показал себя всесторонне одаренным подростком. Он весьма успешно занимался рисованием и живописью. Играл на фортепиано и на скрипке, имел страсть к математике. Курс математических наук читал в пансионе выдающийся ученый, профессор Д. М. Перевощиков, который всячески поощрял увлечение пансионеров математикой и в этом отношении сильно повлиял на Лермонтова. Известно, например, что поэт, некоторое время уделявший внимание исключительно математике, однажды «заперся в комнату и до поздней ночи сидел над разрешением какой-то математической задачи. Не решив ее, Лермонтов, измученный, заснул. Тогда ему приснился человек, который указал ему исковое решение; проснувшись, он тотчас же написал на доске решение мелом». Лермонтов высоко ценил книгу проф. Перевощикова «Ручная математическая энциклопедия» (часть I, Арифметика), он часто заглядывал в нее и впоследствии, когда учился в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В пансионе поэт пробыл до 16 апреля 1830 года, уволившись затем по собственному прошению из шестого класса. В «Свидетельстве», которое он получил за подписью директора П. Курбатова, удостоверялось, что Михаил Лермонтов «обучался в старшем отделении высшего класса... с отличным прилежанием, с похвальным поведением и весьма хорошими успехами».

Причиной ухода Лермонтова из Университетского пансиона послужило обстоятельство, которое заставило многих воспитанников спешно покинуть это учебное заведение.

Дело в том, что указом царя 29 марта 1830 года пансион был преобразован в гимназию, со всеми вытекающими отсюда последствиями (гимназия не давала преимуществ при поступлении на государственную службу; в качестве воспитательных мер к гимназистам применялись розги и т. д.).

Такое решение было принято Николаем I в результате посещения им пансиона 11 марта 1830 года.

Посещение это оказалось для всех неожиданным. Царь вошел в пансион во время перемены и вдруг очутился среди бушевавшей толпы ребятшек (пансионное начальство не предъявляло больших требований к воспитанникам в минуты разрешенного отдыха). «Можно представить себе,—пишет Д. А. Милютин,—какое впечатление произвела эта воляница на самодержца, привыкшего к чинному, натянному строю петербургских военно-учебных заведений. Своей же стороны толпа не обратила никакого внимания на появление величественной фигуры императора, который прошел вдоль всего коридора среди бующей массы, никем не узнаваемый,—и, наконец, вошел в наш класс, где многие из учеников уже сидели на своих местах в ожидании начала урока. Тут произошла весьма комическая сцена: единственный из всех воспитанников пансиона, выдавший государя в Царском селе,—Булгаков узнал его и, встав с места, громко приветствовал: «Здравия желаю вашему величеству!»—Все другие крайне изумились такой выходке товарища; сидевшие рядом с ним даже выразили вслух негодование на такое неуместное приветствие вошедшему «генералу»... Озадаченный, разгневанный государь, не сказав ни слова, прошел далее в 6-й класс и только здесь наткнулся на одного из надзирателей, которому грозно приказал немедленно собрать всех воспитанников в актовый зал... Император, возвратившись в зал, излил весь свой гнев и на начальство наше, и на нас с такою грозной энергией, какой нам никогда не случилось»...

Так произошла первая встреча Лермонтова с Николаем I, задушившим восстание декабристов, отправившим на виселицу и в ссылку лучших представителей тогдашнего русского общества, о чем в Тарханах неоднократно говорилось в присутствии маленького Мишеля. Родные братья Е. А. Арсеньевой, Дмитрий Алексеевич и Аркадий Алексеевич Столыпины, находившись в близких отношениях со многими видными деятелями декабристского движения, причем Аркадий Алексеевич, в доме у которого бывали Рылеев и Грибоедов, даже намечался в состав нового—декабристского — правительства.

Уход Лермонтова из Университетского пансиона не был случайным. Это был первый вызов юного поэта самодержавию, которое он будет ненавидеть до самой своей смерти и против которого не однажды направит громовые стрелы своей скорбной, но бунтарской поэзии.

*) Глава из биографического очерка «М. Ю. Лермонтов», издаваемого Калининским областным книгоиздательством к 100-летию со дня смерти поэта.